

К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБОГО ДВОРА ИВАНА ГРОЗНОГО В 1573–1575 г.¹

Изучение Особого двора Ивана Грозного еще далеко от завершения. Реконструкция персонального состава Особого двора позволит сравнить его с доопричным двором, Опричным двором 1565–1572 г., Земским двором Ивана IV, проследить закономерности в его эволюции, устройстве, структурных изменениях в различные периоды его длительного существования в 1573–1584 г. Через изучение персонального состава Особого двора можно будет попытаться понять причины и направленность опричной политики царя. В настоящей публикации речь пойдет о реконструкции и исследовании персонального состава «особного» двора в первые годы его существования (1573–1575 г.). Нижняя хронологическая грань связана с образованием «особного» двора к марту 1573 г., верхняя грань — казни руководителей дворовой думы в августе 1575 г., формирование нового состава Особого двора Ивана IV в период великого княжения Симеона Бекбулатовича в октябре 1575 г.

Социальному составу Опричного двора посвящено отдельное исследование В. Б. Кобринина [Кобрин, с. 13–137]. Земский двор 1565–1572 г. был рассмотрен в работе ученицы А. А. Зимина С. С. Печуро [Печуро, с. 463–473]. Особый двор в октябре 1575 — сентябре 1576 г. при Симеоне Бекбулатовиче был тщательно изучен С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским [Мордовина, Станиславский], а также Р. Г. Скрынниковым [Скрынников, 1971]. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским были реконструированы биографии 108 дворовых (не менее 20% всей численности) и чиновная структура Особого двора Ивана Грозного, отмечена его «худородность» по сравнению с Земским двором [Мордовина, Станиславский, с. 159]. Однако исследователи, оттолкнувшись от спорных утверждений А. А. Зимина относительно персонального состава опричников, пришли к неточной оценке количества бывших опричников в Особом дворе Ивана Грозного в 26–60% [Мордовина, Станиславский, с. 160]. Реально из 108 дворовых, значащихся в списке исследователей, опричников было лишь 19 (17%). Кроме того, в список ученых не попало не менее 33–34 человек, многие из которых были зачислены в Особый двор, получили поместья в Бежецкой пятине Новгородской земли после включения ее в удел в 1576 г. (М. Б. Евреев, И. И. и Б. И. Карасовы, Ж. Б., П. И. и Петр Косицкие, Г. и П. Лазоревы, Н. Мяхкий, И. Б. и Д. Б. Огаревы, Г. Татаринов, Э. И. и С. И. Ускога²), а также дети боярские, переведенные «во двор» из Обонежской пятины в 1576 г. (Л. П. Болкошин, С. А. Волосатый [Корецкий, 1959, с. 154–155], А. К. Быков, И. И. и О. И. Вороновы, Г. Г. и И. Ф. Кольчевы, К. П., Н. П., К. А. и Я. Ф. Култашевы, А. Пантелеев, А. Ю., Ж. И., К. И. и М. Ю. Скобельцыны [Корецкий, 1967, с. 44]). Ф. А. Головачев в 1576 г. был «взят в удел» и утратил поместье в Ручеевском погосте Шелонской пятины [Корецкий, 1967, с. 41]. Дворовым являлся Д. М. Панин, поддатня у рынды с копьём у царевича Ивана в дворовом разряде царского похода в Калуге в апреле 1576 г.³ Дворовыми следует считать дьяка Б. Иванова, в 1576 г. из Обонежской пятины взятого во двор [Корецкий, 1967, с. 44]. В Особый двор в 1574–1576 г., вероятно, входил и Б. С. Бельский [Мордовина, Станиславский, с. 164].

С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский наметили пути изучения Особого двора Ивана IV после 1576 г. Основными источниками для его реконструкции могут служить разряд царского похода из Великого Новгорода в Ливонию (апрель 1577 г.) и дело о приезде папского посла

¹ Статья выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-01-12013в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

² Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5. С. 580, 624, 627–628, 640–641, 643, 653–654, 677–678, 685–686.

³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 260.

Антонио Поссевино (1581 г.)⁴. А. Л. Станиславский обратил внимание на земский характер боярского списка 1577 г., на то, что записанные в него стольники и жильцы входили в земщину [Станиславский, 2004, с. 43–46]. Путем сравнения стольников и жильцов земского боярского списка 1577 г. с разрядом 1577 г. (где подчас смешаны дворовые и земские) можно вычленил представителей Особого двора. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский указали на наличие в 1570-е годы чинов думного дворянина только в «уделе» («в «земщине» думных дворян не было»), как и на наличие «стряпчего с ключом» (помощника постельничего) [Мордовина, Станиславский, с. 157, 158]. Разрядные книги и исследования П. А. Садикова дают возможность восстановить список дворовых дьяков 1577–1584 г. [Садиков, 1950, с. 78–83, 289–295, 347–354, 484–484]. При помощи методики С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского был реконструирован состав Особого двора Ивана Грозного 1577–1584 г. Всего в Особом дворе 1577–1584 г. находим не менее 200 человек [Корзинин, с. 283–284, 494–503]. Вероятно, это далеко не весь состав двора, а лишь тот, который удалось восстановить по имеющимся источникам.

Следует подчеркнуть, что к настоящему моменту недостаточно изученными и не полностью раскрытыми остались персональный состав, структура Особого двора Ивана Грозного в 1573 – первой половине 1575 г., хотя в распоряжении историков имеются источники для их исследования. Д. Н. Альшиц в 1949 г. издал список раздачи жалованья «бояром, и окольным, и дьяком, и дворяном, и приказным людям» от 20 марта 1573 г. по списку XVIII в. Ученый предложил существенно расширить состав Опричного двора, реконструированного В. Б. Кобриним, включив в него детей боярских, получивших жалованье в 1573 г.⁵ Оппонентом Д. Н. Альшица выступила О. А. Яковлева. Исследовательница обратила внимание на заголовок документа, опубликованного Д. Н. Альшицем, утраченный при копировании. Заглавие отыскивается в родословной росписи дворян Васильчиковых: «Книга царя и великого князя Иоанна Васильевича приговор, как давать жалованье бояром и князем и детям боярским по государеву уложению на их головы и на люди... Лета 7081 марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич помнил бояром и окольным, и дьяком, и дворяном, и приказным людям свое жалованье по окладу».

С точки зрения О. А. Яковлевой, заголовок указывает на то, что это список не опричников и даже не дворовых («опричнины, хотя бы не под названием «опричнины», а под названием «двора», в это время уже не существовало»), а «просто список людей, составлявших придворный штат Ивана Грозного» [Яковлева, с. 235].

В. Б. Кобрин не согласился с аргументами Д. Н. Альшица об опричниках 1573 г., то есть спустя год после отмены опричнины [Кобрин, с. 15]. Р. Г. Скрынников рассматривал список 1573 г. как перечень дворовых Ивана Грозного [Скрынников, 1971, с. 193; Скрынников, 1992, с. 461–462, 470–471]. Ученый отметил неполноту документа, отсутствие в нем верхушки Особого двора в лице его номинального главы – дворового воеводы, в 1573 г. боярина князя Ф. М. Трубецкого, постельничего Д. И. Годунова, Колычевых [Скрынников, 1992, с. 470–471]. Однако надежные сведения о принадлежности князя Трубецкого, Годунова, Колычевых к дворовым относятся только к весне 1574 г.⁶ А. Л. Станиславский, посвятивший анализу списка 1573 г. отдельное исследование, как и Р. Г. Скрынников, пришел к выводу, что в нем зафиксирован не Опричный, а «особный» двор Ивана Васильевича, причем не менее его половины [Станиславский, 1976, с. 139]. В этом ученого убедило сравнение имен тех, кто в марте 1573 г. должен был получить государево жалование, с лицами, записанными в «дворовой» полк Ивана Грозного в Калужском

⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 441–458; Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву папского посла Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. 11. С. 44–46, 57.

⁵ Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста Д. Н. Альшица // Рукописные памятники. СПб., 2003. Вып. 7. С. 177–192.

⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 361–363.

походе 1576 г. Особый двор 1573 г. отличала «худородность» по сравнению с опричным двором. «От Дворовой тетради и Тысячной книги 1550 г. книга 1573 г. заметно отличается “бедностью” княжеских и крупных боярских фамилий. В ней нет ни одного оболенского, ростовского, суздальского, тверского и мосальского князя, из стародубских князей встречаются лишь Тулуповы, из ярославских — захудалые князья Бельские, из смоленских — незнатные Козловские», — писал А. Л. Станиславский [Станиславский, 1976, с. 139]. Сравнив книгу 1573 г. с росписями царского полка в походах 1567, 1570, 1571 и 1572 г., ученый отметил совпадение наибольшего количества поддатней у рынд (25 из 47 поддатней) разряда 1572 г. с дворовыми, внесенными в книгу 1573 г., и на этом основании сделал вывод о том, что «двор Грозного 1573 г. существенно отличался от опричного двора периода расцвета, но был близок к окружению Ивана IV последнего года опричины» [Станиславский, 1976, с. 140].

М. П. Лукичев поддержал Д. Н. Альшица в предположении о бытовании двух списков раздачи денежного жалованья дворянам 1573 г., сославшись на опись Разрядного архива 1733 г., где среди боярских книг были отмечены «книга 7081 году, другая о том же». По мнению исследователя, подлинник документа хранился в архиве Разрядного приказа [Лукичев, с. 22]. М. П. Лукичев подтвердил мнение А. Л. Станиславского о том, что лица, записанные в книге 1573 г. перед детьми боярскими, получавшими жалование «з города», — это четвертики, ежегодно получавшие жалование из приказов четвертей [Станиславский, 1976, с. 137–138; Лукичев, с. 22–23].

Р. Г. Скрынников отчасти реконструировал состав Особого двора Ивана Грозного, сосредоточив внимание на ближней дворовой думе царя в 1573–1574 г., накануне княжения Симеона Бекбулатовича [Скрынников, 1971, с. 174–217; Скрынников, 1992, с. 470–473]. Ученый обратил внимание на то, что к началу 1573 г. многие видные опричники, принятые во «двор», покинули опричные уезды и получили поместья в земской Шелонской пятине Новгорода наряду с земцами. Опричина как учреждение прекратила свое существование, а новый двор не был органически связан со старыми опричными уездами. Р. Г. Скрынников полагал, что лишь некоторая часть старых опричников попала в Особый двор, куда также вошли многие земские дворяне [Скрынников, 1966, с. 185–189]. Ученый сделал вывод на основании изучения синодика опальных о казни руководителей дворовой думы (В. И. Умного Колычева, князя Б. Д. Тулупова и др.) в августе 1575 г. и победе группировки Годуновых [Скрынников, 1971, с. 192–194, 198–200].

Р. Г. Скрынников связывает раздачу денежного жалованья дворовым, которые находились при царе, с возвращением Ивана Грозного после взятия Пайды в Новгород и приближением праздника Благовещения 26 марта, когда обычно раздавали жалованье служилым людям [Скрынников, 1992, с. 470, 480]. Действительно, в реестр попало немало новгородцев и псковичей: И. П. Татищев (псковский помещик⁷), М. Т. Лошаков-Колычев (тысячник из Шелонской пятины), Е. Ш. Воронов (сын тысячника из Обонежской пятины Ш. А. Воронова), Н. Д. Мокеев (тысячник из Обонежской пятины), Н. Н. Скобельцын (брат тысячника из Обонежской пятины И. Н. Скобельцына), И. Ш. Благого (помещик Шелонской пятины⁸) и др. Служилые землевладельцы с Северо-Запада были привлечены к походу на Пайду, сыграв заметную роль в штурме крепости.

В пользу того, что список «бояр, окольных, дьяков, дворян и приказных людей», которым было предусмотрено выдать жалованье в 1573 г., появился на свет в Великом Новгороде, можно привести дополнительные аргументы. Мария Степановна Скуратова-Бельская неслучайно

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 827. Л. 143, 144 об.–145, 146 об., 147, 157, 162, 163; Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 2648. С. 333.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 973. Л. 395.

попала в список раздачи денежного жалованья (ей полагалось выплатить пенсию в размере 400 рублей), поскольку жила под Новгородом, где ее муж Григорий Лукьянович к 1571 г. получил крупное поместье погост Солца с 13 деревнями и 2 починками (352 четверти земли) в Солецком погосте на р. Волхове в земской Водской пятине Новгородской земли⁹. Скорее всего, именно в это владение, «Малютину волость», в 1572 г. вывозили крестьян из соседнего Ильинского Тигодского погоста той же пятины¹⁰. В 1573 г. погост перешел вдове Малюты Скуратова и сыну Горяину. Мария Скуратова, получившая новгородское поместье мужа на прожиток, очевидно, пребывала в нем до своей кончины. Об этом говорят следующие факты. После погребения тела Малюты Скуратова в Иосифо-Волоколамском монастыре в январе 1573 г. во вкладной книге отмечено, что его жена дала по супругу 40 рублей, находясь в Новгороде¹¹. В расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря от 10 октября 1573 г. есть такая запись: «дано Василью, ерапольскому старосте, 4 алтына, что взяли у него 2 ярки Малютине жене Марье, как ехала из Новагорода за государем»¹².

В список 1573 г. (разделенный на две неравные части: первая часть размещена под заголовком документа, вторая — после формулировки «дети боярские, которым государево денежное жалование з городы») внесены фамилии 640 дворовых детей боярских (если устранить 15 повторно написанных имен). Вслед за ними перечислены имена дворцовых слуг разных мастей, певчих дьяков, конюхов, мастеров, ключников, поваров царской семьи (всего 1178 человек), которых вряд ли правомочно причислять к дворовым детям боярским, за исключением дьяков Е. Михайлова и Л. Вырубова¹³. Элита Особого двора (234 человека, не считая вдовы Марии Степановны Скуратовой-Бельской), очевидно, была зафиксирована в начальной части списка и должна была получать ранжированные денежные оклады от 600 до 3 рублей ежегодно. За дворовыми шли имена городских детей боярских (в количестве 406 человек), получавших жалование не в четвертных центральных приказах, а на местах, в уездах, откуда они несли службу. Среди второй группы лиц находим немало родственников дворовых из первой части списка. Кажется, что реестр детей боярских, «которым государево денежное жалование з городы», составлялся в спешке либо подьячие не всегда могли точно определиться со служебно-местническим статусом дворовых. Их имена с указанием величины окладов записаны бессистемно, группа дворовых с окладом в 15 рублей встречается в середине списка, а те, кто получал 10 рублей, попали в его начало. Группа дворян под заголовком вообще стоит без обозначения размера жалованья. Фамилии 15 человек встречаются дважды. Например, имя И. М. Качалова вначале записано с окладом в 15 рублей, а затем — в 9 рублей¹⁴. Имя М. А. Спиридонова было внесено в первую часть списка (оклад 12 рублей), а после записано среди городских детей боярских (оклад 11 рублей)¹⁵. Дважды среди дворовых и городских детей боярских были зафиксированы фамилии А. М. Овцына, М. А. Спиридонова, Ф. И. Дубасова, С. Ф. Готовцева. Уменьшительно-ласкательные имена у многих дворовых свидетельствуют об их молодости, недавнем начале службы. Очевидно, что список двора марта 1573 г. (всего 640 человек, не считая дворцовых слуг) неполон, это часть Особого двора, с точки зрения А. Л. Станиславского, не менее его половины [Станиславский, 1976, с. 139].

На основе каких документов можно получить представление о другой части «особного» двора Ивана Грозного?

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 958. Л. 335–340 об.

¹⁰ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 320.

¹¹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 141/196. Л. 76.

¹² Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1980. Ч. 1. С. 44.

¹³ Список опричников Ивана Грозного. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 64, 65.

¹⁵ Там же. С. 59, 64.

По мнению большинства исследователей, опричнина была ликвидирована примерно осенью (в ноябре) 1572 г. [Зимин, 1964, с. 475–477; Скрынников, 1992, с. 457–461; Флоря, 2009, с. 310–311; Володихин, с. 177–187]. Вместе с отменой опричнины исчез Опричный двор. Но вместо него вскоре возник Особый двор, о существовании которого есть определенные данные с начала 1573 г. Если царь с войском отправился в Великий Новгород после взятия Пайды в январе 1573 г. и в марте 1573 г. уже было выдано жалование людям его двора, значит, Особый двор возник в конце февраля 1573 г., когда царь находился со свитой и войском в Новгороде¹⁶. Не исключено, что постепенный переход к «особому двору» начался в декабре 1572 г. с подготовки похода на Пайду. 12 апреля 1573 г. на свадьбе короля Магнуса и княгини Марии, дочери князя В. А. Старицкого, названы «дворовые дети боярские из городов» и «стольники из земских»¹⁷. Осенью 1573 г. в Тарусе на береговой службе с М. Плещеевым упоминались «дворяне и дети боярские дворовые по ево списку»¹⁸.

Ученые не обращали внимания на любопытный разряд весны 1574 г. В апреле 1574 г. царь Иван Васильевич с царевичем Иваном Ивановичем во главе войска отправились в Серпухов. В Частной редакции разрядной книги подчеркнута, что государь в Серпухове «розметил своих государевых дворовых бояр, и окольничих, и дворян, и детей боярских». Вслед за этим идет перечисление дворовых воевод «царя и великого князя», окольничего «з государем», дворян, голов и прочих лиц¹⁹. Вероятно, мы имеем дело с разрядом воевод удельного двора царя, схожего с разрядом государева полка в Калуге в апреле 1576 г.²⁰ Разряд дворовых воевод весны 1574 г. предшествует описанию состава войска, очевидно, земского, стоявшего на р. Оке «для приходу крымского царя»²¹. Дополнительным аргументом в пользу принадлежности к Особому двору воевод весной 1574 г. может послужить совпадение значительного числа лиц с именами дворовых, получавших государево жалование в марте 1573 г. в Новгороде, а также с составом Особого двора 1575–1584 г. В весенний разряд включено 55 человек. Из них 16 лиц²² мы находим в списке 1573 г. Из оставшихся 39 лиц 14 человек²³ обнаруживаем среди дворовых 1575–1576 г. Из остальных 26 персон 2 находились в Особом дворе 1577–1584 г.²⁴

Исключение из «особого» двора 1575–1576 г. многих Кольчевых (Ж. Т. Лошакова, П. Ф., И. А., И. М., М. Ф. Кольчевых) понятно: в конце лета 1574 г. был казнен боярин В. И. Умной, и его родичи попали в опалу. В начале августа 1575 г. вследствие крупной чистки Особого двора погибли упомянутые в апрельском разряде Ф. М. и С. М. Сунбуловы, были казнены В. И. Умной-Кольчев, М. Т. Плещеев, князья А. В., Б. Д. и Н. В. Тулуповы, В. Б. Кольчев, Я. Д. Мансуров [Скрынников, 1992, с. 544]. А. Ф. Нагой назван «дворянином ближней думы» царя лишь к началу 1575 г. [Скрынников, 1971, с. 191–192]. Любопытно, что в Особый двор 1575–1576 г. не вошли Кольчевы, а также Головины, Милоковы, Леонтьевы. Бросается в глаза значительное число рязанцев в уделе Ивана Грозного в 1574 г.: Измайловых, Сунбуловых, Леонтьевых, Вердеревских, Булгаковых. В Особый двор были включены тверичи Р. В. Алферьев, В. Г. Зюзин.

¹⁶ Донесение посланника Гарабурды, отправленного чинами Великого Литовского княжества в Москву (Россию) 1573 г. // Вестник Европы. СПб., 1815. Ч. 83. № 19. С. 194. См. также: [Флоря, 1978, с. 49–50].

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 331, 334.

¹⁸ Там же. С. 358.

¹⁹ Там же. С. 361–364.

²⁰ Там же. С. 402–404.

²¹ Там же. С. 364–365.

²² В. И. Умной Кольчев, князь Б. Д. Тулупов, князь И. М. Глинский, В. Г. Зюзин, М. Т. Лошаков-Кольчев, дьяки П. Григорьев и Г. Михеев, Б. Я., Г. Н и Б. С. Бельские, Н. К. и С. К. Канчевы, князь И. С. Городецкий, Г. С. Овцын, В. Б. и И. Ф. Кольчевы.

²³ Князь Ф. М. Трубецкой, Ф. Ф. и А. Ф. Нагие, князья Н. Р. и А. В. Трубецкие, дьяк У. М. Айгустов, князья В. И. и А. И. Шуйские, Д. И. Годунов, Д. И. Черемисинов, И. В. Дмитриев, П. Г. и Р. П. Биркины, И. Ю. Бугаков-Денисьев.

²⁴ И. Т. Петров-Соловой, Ю. П. Леонтьев.

В «особный» двор в начале 1573 — летом 1575 г. также входили следующие лица:

Михаил Васильевич Колычев, в июле 1573 г. в послании литовским панам-рады был назван «ближнем дворянином» царя [Новодворский, Приложение, с. 9, 11];

Роман Васильевич Алферьев-Безнин, с 1571/1572 г. думный дворянин [Мордовина, Станиславский, с. 157, 181].

Р. Г. Скрынников писал, что Василий Григорьевич Колычев был дворовым окольным с 1573 г. [Скрынников, 1971, с. 190]. Однако в посольской книге России с Данией говорится о приеме царем в мае 1574 г. гонца императора Максимилиана Юрия Кремера в Александровой слободе и о том, что в аудиенции участвовал окольный В. Г. Колычев, без указания на его принадлежность к Особому двору²⁵.

Очень вероятно принадлежность к дворовым бывшего опричника князя П. И. Борятинского, осенью 1573 г. отправленного царем Иваном Васильевичем из Александровой слободы в Ямгород взять списки собранных здесь «детей боярских всех городов»²⁶. По-видимому, дворовым стольником был князь М. Ф. Борятинский, о котором известно, что он «у есты сидел» на свадьбе короля Магнуса и княгини Марии Владимировны Старицкой весной 1573 г.²⁷ Вообще, в свадебных торжествах Магнуса, проходивших 12 апреля 1573 г. в Новгороде, приняло участие немало дворовых, но их имена перемешаны с именами земских лиц, что затрудняет их выявление.

В 1573—1574 г. дворовым дьяком был Андрей Васильев сын Шерефединов²⁸. Согласно исследованиям П. А. Садикова, дворовыми дьяками были Андрей Федорович Клобуков (с 1572/1573 г. дьяк в Каргопольской дворовой четверти) [Садиков, 1950, с. 332], Афанасий Игнатьев сын Демьянов (с 1572/1573 г. дьяк в дворовой Двинской четверти) [Садиков, 1950, с. 336—337] и, вероятно, Иван Савин (в 1573—1574 г. дьяк в дворовой Каргопольской четверти) [Садиков, 1950, с. 334].

Всего, по отрывочным данным сохранившихся документов, в Особый двор Ивана Грозного входило не менее 703 человек (из них 12 дьяков).²⁹ Очевидно, эта цифра близка к реальности и отражает не менее 2/3 наличествующего состава «особного» двора 1573 — первой половины 1575 г. Более половины известного нам состава удельного двора (не менее 406 человек) принадлежало к городovým детям боярским.

Если сравнить персональный состав Особого двора 1573—1575 г. с Опричным двором, Особым двором 1575—1576 г., 1577—1584 г., то наибольшее число совпадений лиц обнаружим с Особым двором 1575—1576 г. (79 человек), затем с Особым двором 1577—1584 г. (66 человек) и в последнюю очередь с Опричным двором (35 человек, а также трое детей опричников). Правда, мы не располагаем сведениями о многих опричных деятелях, выходцах из провинциальных детей боярских³⁰. Реконструкция состава Опричного двора В. Б. Кобринина относится к его верхушке, преимущественно высшим слоям, что лишает возможности полноценного сравнения Опричного двора с «особным двором» 1573—1575 г. В целом, царский двор после ликвидации опричнины претерпел существенные изменения. Он не только стал менее аристократичным, но и включил в себя новых лиц, влившихся преимущественно в его средние и нижние слои. Особый двор периода

²⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 134.

²⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 358—359.

²⁷ Там же. С. 334.

²⁸ Там же. С. 369. См. также: [Садиков, 1950, с. 139, 338].

²⁹ Реконструкция персонального состава Особого двора 1573—1575 гг. будет размещена на сайте <http://russian-court.spbu.ru>

³⁰ Вероятно, выходцами из верхов уездного служилого дворянства, из городových детей боярских были опричники С. И., П. Н. и З. Н., П. А. Варнавины, З. Б. Горбатый, Т. А. Горкин, Г. М. и Д. М. Дерловы, Г. К. Жуков, И. А. и Ф. Т. Захаровы, Б. И. и Ш. Б. Корокрейские, Б. Е. Лужецкий, Ш. К. Нестеров, А. Ф. Новокрещенов, Я. Ф. Охотников, И. Н. и О. Н. Плещеевы-Павлиновы, Т. И. Родионов, В. Т. Столыпин, М. А. и Ю. А. Темировы, Т. П. Чижовкин, У. Г. Щедрин, А. Ж. Яковлев, сведения о службе которых в источниках не обнаружены.

правления Симеона Бекбулатовича (октябрь 1575 — сентябрь 1576 г.), скорее всего, возник на базе «особного» двора предыдущего времени. А. Л. Станиславский полагал, что удельный двор 1573 г. сформировался не на основе Опричного двора периода расцвета 1567–1570 г., а на основе окружения царя последнего года существования опричнины [Станиславский, 1976, с. 140]. Действительно, наибольшее число совпадений имен дворовых можно отыскать в разряде царских полков под крепость Пайду в декабре 1572 г.³¹ Правда, в это время опричина и Опричный двор уже прекратили свое существование. На основе Пайдинского разряда и был, вероятно, сформирован костяк Особого двора. Неслучайно, самый ранний список дворовых появился в Великом Новгороде в марте 1573 г., после возвращения в город полков из-под Пайды. При анализе списка дворовых бросается в глаза, что в «особный» двор не попали родственники царя Собакины и Колтовские (хотя были включены Васильчиковы, в дальнейшем осенью 1574 г. породнившиеся с Иваном Грозным [Скрынников, 1992, с. 471]), многие руководители Опричной Боярской думы. В Особом дворе не находим помимо князей Оболенских, Ростовских, Ярославских, Вяземских, Черкасских выходцев из нетитулованных родов Бутурлиных, Пушкиных, Ильиных-Молчановых, Пивовых. Руководителем Особого двора в 1573–1574 г. фактически стал служилый князь Ф. М. Трубецкой (в прошлом опричный боярин), в Особую думу вошли многочисленные представители фамилии Кольчевых (ставшие весьма могущественными), кроме них Годуновы, Нагие, князья Тулуповы (все в прошлом вышли из рядов опричников). После гибели под стенами Пайды 1 января 1573 г. М. Л. Скуратова и пленения под Донковым весной 1573 г. В. Г. Грязного думное дворянство получили А. Ф. Нагой, М. Т. Плещеев, возможно, М. В. Кольчев. Многочисленными среди дворовых стали Бельские (родственники главного царского опричника), князья Козловские (князья И. С. и Ю. С. Козловские в прошлом были опричниками), Овцыны (И. Д. Овцын был опричником, весной 1572 г. упомянут постельничим), Осорьины, Татищевы, а также малоизвестные Бабкины, Бастановы, Безобразовы, Благие, Болотниковы, Воейковы, Волжинские, Волковы, Вороновы, Всеславины, Вырубовы, Готовцевы, Дубасовы, Евреевы, Ельчаниновы, Извековы, Канчевы, Качаловы, Коситцкие, Култашевы, Мокеевы, Моклоковы, Панины, Свиридоновы, Скобельцыны, Хрипуновы.

О землевладении представителей худородных дворовых фамилий дошли отрывочные сведения источников. Однако они позволяют судить о том, что ряд дворовых происходил из уездов, ранее побывавших в опричнине (Вяземского, Старицкого, Козельского, Суздальского). В Особом дворе были представлены помещики Водской и Шелонской пятин Новгородской земли, Торопца, Ржевы Владимировой, вотчинники земских Звенигородского, Галичского и Дмитровского уездов.

Помещиками Вяземского уезда являлись В. И. Волков, А. В. Безобразов³², З. Д. Скобельцын [Станиславский, 2004, с. 226], Александр и Андрей Коуровы дети Болотниковы, Лобан Федоров, отец дворового М. Л. Болотникова³³.

Из Старицы служили А. И., Е. В. и М. В. Безобразовы, Меркур Иванов и Митька Шарапов Безобразовы [Станиславский, 2004, с. 244].

Поместьями в Суздальском уезде владел А. В. Бастанов³⁴.

³¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 297, 320–322, 323–324.

³² Писцовые книги Московского государства XVI в. / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 226, 767, 824; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 619. Л. 156, 197 об., 627, 659 об.–660.

³³ Писцовые книги Московского государства XVI в. С. 604, 609, 611, 617, 638, 751, 783, 785, 786, 817, 817; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов (далее — АСЗ). М., 2008. Т. 4. № 50. С. 38–39.

³⁴ АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 25. С. 22.

Ржевскими помещиками были Э. И., К. О., И. О. и С. О. Безобразовы [Станиславский, 2004, с. 223]³⁵, Г. Л. Болотников³⁶, А. А., Д. А. и И. А. Ельчаниновы [Станиславский, 2004, с. 224–225]³⁷.

Из Козельска известны С. В. и И. О. Безобразовы, С. М. Панин [Станиславский, 2004, с. 238]³⁸.

Вотчинниками Звенигородского уезда являлись Г. Б. и М. Б. Болотниковы³⁹.

Н. Ф. Готовцев и его родственники имели вотчины в Галичском уезде⁴⁰.

Г. И., Д. И. и К. И., С. Ф. Скобельцыны владели землями в Дмитровском уезде⁴¹.

Помещиками Водской пятины Новгородской земли были В. В. и И. В., Г. В., Н. И. и Т. И. Бастановы⁴². И. Б., И. П., М. Б. Евреевы были испомещены в Шелонской пятине Новгорода⁴³. Из Торопца в 1577 г. служил П. Н. Хрипунов [Станиславский, 2004, с. 202].

Реконструкция *верхушки Особого двора 1573–1574 г.* выглядит следующим образом: князь Ф. М. Трубецкой (боярин к лету 1570 г., дворовый воевода и боярин в декабре 1572 г., апреле 1574 г.⁴⁴), князья Н. Р. и А. В. Трубецкие (дворяне в апреле 1574 г.);

В. И. Умной-Колычев (окольничий к марту 1573 г.⁴⁵, боярин в январе 1574 г.⁴⁶), М. В. Колычев («ближний дворянин» царя в июле 1573 г. [Новодворский, Приложение, с. 9, 11]), Г. Г., П. Ф. и И. Ф. Колычевы, Ж. Т. и М. Т. Лошаковы-Колычевы (дворяне в апреле 1574 г.);

А. Ф. Нагой («дворянин ближней думы» с конца 1574 – начала 1575 г. [Лихачев, с. 15]); Ф. Ф. Нагой (дворовый воевода в апреле 1574 г.);

Д. И. Годунов (окольничий в апреле 1574 г.⁴⁷, глава Постельного приказа), Б. Ф. и Я. А. Годуновы;

князь Б. Д. Тулупов (окольничий в марте 1573 г.⁴⁸), князья И. В. и А. В. Тулуповы; М. Т. Плещеев (думный дворянин в феврале 1573 г. [Зимин, 1958а, с. 80; Боде-Колычев, с. 112], в апреле 1573 г. окольничий⁴⁹);

князь И. М. Глинский (дворянин в апреле 1574 г., зять М. Скуратова);

Б. Я., Б. С., Г. Н. и В. Т. Бельские;

В. Г. Зюзин (дворянин в апреле 1574 г.);

Р. В. Алферьев (печатник и думный дворянин с 1571 г.⁵⁰).

Если при попытке восстановления состава носителей дворовых чинов (стольников, стряпчих и жильцов, которым соответствовали должности рынд и поддатней) оттолкнуться от смешанного

³⁵ Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подгот. А. А. Фролов. М.; СПб., 2014. С. 115, 126, 128–129, 152–154, 314; АСЗ. Т. 4. № 27. С. 23.

³⁶ Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича). С. 153, 154, 283, 314.

³⁷ Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича). С. 189, 191, 194, 196, 198, 311, 313; АСЗ. М., 1998. Т. 2. № 146. С. 143–144.

³⁸ АСЗ. Т. 2. № 23. С. 38–39.

³⁹ Писцовые книги Московского государства XVI в. / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 705, 708.

⁴⁰ АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 65. С. 54–55.

⁴¹ Там же. № 261. С. 234–235; № 262. С. 235, 337.

⁴² Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 315, 351, 366.

⁴³ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Ч. 1. Отд. 2. С. 15, 23, 47, 71; АСЗ. Т. 4. № 121–123. С. 89–90.

⁴⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 261, 286, 319, 320, 362.

⁴⁵ Список опричников Ивана Грозного. С. 55.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 192.

⁴⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 363.

⁴⁸ Там же. С. 330.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 292, 302, 319, 324.

опрично-земского разряда полков из Новгорода против шведов весной 1572 г., государева разряда под Пайду в декабре 1572 г. накануне образования Особого двора, а также воспользоваться данными дворового разряда апреля 1574 г., то можно реконструировать состав дворовой Боярской думы и различных чинов Особого двора Ивана Грозного в 1573 – начале 1575 г.

Бояре

князь Федор Михайлович Трубецкой, Василий Иванович Умной-Колычев

Окольничие

Дмитрий Иванович Годунов, князь Борис Давыдович Тулупов, Михаил Тимофеевич Плещеев и, возможно, Василий Григорьевич Колычев

Постельничий

Дмитрий Иванович Годунов

Думные дворяне

Афанасий Федорович Нагой, Михаил Тимофеевич Плещеев, Роман Васильевич Алферьев

Печатник

Роман Васильевич Алферьев

Шатерничий

Семен Плушков

Стольники

Богдан Яковлевич, Богдан Сидорович и Григорий Нежданов сын Бельские, князь Михаил Федорович Борятинский, князь Иван Михайлович Глинский, Борис Федорович и Яков Афанасьевич Годуновы, Петр Фомин сын и Федор Васильев сын Головины, Иван Михайлов сын и Иван Афанасьев сын Колычевы, Клим Данилов сын Милюков, Иван Федоров сын Невежин, Григорий и Михаил Семеновы дети Овцыны, князь Андрей Васильевич Трубецкой, князья Андрей и Никита Владимировы дети, Борис Давыдов сын Тулуповы, князья Андрей и Василий Ивановичи Шуйские

Стряпчие

Никита Кутлуков сын Канчеев, Иван Васильев сын Милюков

Жильцы

Верига Третьяков сын Бельский, Александр и Федор Коуровы дети, Матвей Лобанов сын, Утеш Никитин сын Болотниковы, Федор Петров сын Бутиков, Иван Борисов сын и Федор Васильев сын Восейковы, Афанасий и Иван Васильевы дети Головленковы, Данила Мурза Кубкеев, Григорий Иванов сын и Меркур Утешев сын Микулины, Андрей и Владимир Рудаковы дети, Федор Васильев сын Милославские, Иван Иванов сын и Тимофей Суботин сын Осорьины, Дмитрий (Митька) Матвеев сын, Федор и Фома Меньшого дети Панины, Игнатий Петрович Татищев

Дьяки

Петр Григорьев, Посник Суворов, Афанасий Игнатьев сын Демьянов, Истома Евский, Гаврила Михеев, Улан Мартемьянов сын Айгустов, Андрей Васильев сын Шерefeldинов, Андрей Федоров сын Клобуков, Иван Большой Петров сын Извеков, Леонтий Вырубов и Ериш Михайлов (конюшенные дьяки) и, вероятно, Иван Савин

Есть глухое упоминание о том, что в 1572/1573 г. должность оружничего занимал князь Иван Мовкошеевич Тевекелев [Зимин, 19586, с. 200; Кобрин, с. 80, 283–284]. Не ясно, был ли он дворовым оружничим, но в недавнем прошлом он являлся опричником.

Заметна взаимосвязь руководства Особого двора с Опричным двором. Оба боярина раньше были опричниками: князь Ф. М. Трубецкой (опричный боярин с лета 1570 г.⁵¹) и В. И. Умной-Колычев (опричный окольничий [Кобрин, с. 46–47]). Из пяти окольничих трое

⁵¹ Там же. С. 261, 286. См. также: [Скрынников, 1992, с. 436].

в прошлом являлись опричниками (опричный окольный Д. И. Годунов, князь Б. Д. Тулупов, М. Т. Плещеев [Кобрин, с. 36, 67, 84]). Из четырех думных дворян трое были опричниками (А. Ф. Нагой, М. Т. Плещеев, Р. В. Алферьев [Кобрин, с. 52, 53–54, 67]), из двадцати одного стольника — шестеро опричников (Б. Я. и Г. Н. Бельские, князь М. Ф. Борятинский, Б. Ф. и Я. А. Годуновы, князь Б. Д. Тулупов [Кобрин, с. 25–27, 36–37, 84]; родственниками опричного постельничего И. Д. Овцына являлись стольники Г. С. и М. С. Овцыны, детьми опричного боярина князя И. А. Шуйского⁵² князья А. И. и В. И. Шуйские), из двадцати двух стряпчих — восемь в прошлом опричники (В. Т. Бельский, Ф. П. Бутиков, А. В. и И. В. Головленковы, Д. М. Кубкеев, Г. И. Микулин, Д. М. и Ф. М. Панины [Кобрин, с. 25, 29, 37–38, 48, 50, 58–59]; И. Б. и Ф. В. Войковы приходились родственниками опричнику М. С. Воейкову, Т. С. Осорьин был сыном предполагаемого опричника С. Осорьина⁵³), из двенадцати дьяков — пятеро бывших опричных (П. Григорьев, А. И. Демьянов, И. Савин, Г. Михеев [Кобрин, с. 38, 39, 78, 79], П. Суворов⁵⁴). Заметно, что руководство Особого двора 1573–1574 г. не было случайно отобрано. Его составили несколько руководителей прежней Опричной Боярской думы, а также выходцы из среднего командного звена Опричного двора Ивана Грозного (дворовые воеводы, рынды и поддатни, полковые головы). В целом же количество носителей высших чинов в «особной» Боярской думе заметно сократилось по сравнению с опричным временем.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о территориях, взятых в удел в период существования Особого двора Ивана Грозного. Наиболее изученным является состав городов с уездами во время великого княжения Симеона Бекбулатовича. Исследователи пришли к выводу о включении в состав удела «Иванца Московского» ряда территорий в период с октября 1575 до сентября 1576 г.: Старицы, Дмитрова, Ржева, Зубцова, Пскова, Порховского уезда Шелонской пятины, Двины, Ростовского и Переславского уездов, Каргополя, Вологды, Пошехонья, Себежа, Красного, Опочки, Белева, Козельска, Перемышля, Лихвина [Корецкий, 1967, с. 40–45; Скрынников, 1971, с. 204–207; Мордовина, Станиславский, с. 154–155; Скрынников, 1992, с. 487–488]. По мнению С. М. Каштанова и А. А. Зимина, в удел также входили Белоозеро и Ярославль [Каштанов, с. 431; Зимин, 1970, с. 157]. С удельных земель, как и во времена опричнины, выселялись местные земские дети боярские, а их земли передавались в поместья дворовым.

Особый двор после ликвидации удела «Иванца Московского» просуществовал до смерти Ивана Грозного. Из территорий помимо прежних Ростова, Дмитрова, Переславля, Каргополя, Вологды, Пошехонья, Себежа, Красного, Опочки, Белева, Козельска, Перемышля и Лихвина⁵⁵ в него попали новые города с уездами. В 1579/1580 г. в удел были включены Суздаль со Стародубом Рязполовским [Павлов, с. 151; Черкасова, с. 140]. Известно, что в связи с включением Стародуба Рязполовского во двор вотчины князей Стародубских были розданы в поместья, а им выплачена денежная компенсация за земли⁵⁶.

В 1573 г. в состав удела Ивана Грозного, по отрывочным сведениям источников, вошли владения на севере страны — Двина и Каргополь [Садиков, 1950, с. 204, 332, 336–337]. Однако вопрос о землях царского удела в 1573 г. нуждается в дополнительном тщательном изучении, как, впрочем, и анализ землевладения, служб, семейных и родственных связей дворовых 1573–1575 г.

Подводя итоги рассмотрению состава и структуры Особого двора Ивана Грозного в 1573 — первой половине 1575 г., следует подчеркнуть его взаимосвязь с Опричным двором и с

⁵² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 302, 319. См. также: [Скрынников, 1992, с. 436].

⁵³ ПСРЛ. СПб., 1879. Т. 3. Вып. 2. С. 107. См. также: [Скрынников, 1992, с. 416–417; Колобков, с. 442].

⁵⁴ Штаден Г. Записки о Московии. М., 2009. Т. 1. С. 143, 145; Т. 2. С. 233–237. См. также: [Корецкий, 1967, с. 44].

⁵⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 461–462. См. также: [Садиков, 1940, с. 281; Скрынников, 1971, с. 205; Мордовина, Станиславский, с. 155].

⁵⁶ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998. № 231.

ближайшим окружением Ивана Грозного периода Пайдинского взятия в декабре 1572 — январе 1573 г. Среди тех, кто попал в Особый двор в начале 1573 г., было около 50 земских деятелей⁵⁷, а также дворовых детей боярских, известных по разрядным документам с конца 1572 г.⁵⁸, о службе которых в опричнине сведений не имеется. Можно предположить, что набор в новый «особный» двор проводился спонтанно, без специальной подготовки из числа тех дворовых, кто оказался у царя под рукой в начале 1573 г. после возвращения из Пайды в Новгород. Многие из дворовых были молодыми людьми, еще только поступившими на службу, и не могли похвастаться знатным и родовитым происхождением. Среди них были представлены новгородцы, в том числе несколько тысячников, их детей и родственников. Верхушка Особого двора имела глубокие опричные корни, однако количественно сильно уступала опричной Боярской думе.

Литература

- Бодэ-Колычев М. Л. Боярский род Колычевых. М., 1886.
- Володихин Д. М. Когда была отменена опричина? // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию В. И. Буганова. Сборник статей. М., 2012. С. 177–187.
- Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 41–81. (Зимин, 1958а)
- Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 180–205. (Зимин, 1958б)
- Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Ученые записки Казанского педагогического института. Казань, 1970. Вып. 80. С. 141–163.
- Кашитанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1961. Т. 16. С. 427–462.
- Кобрин В. Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.
- Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного. СПб., 2014.
- Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // ИА. 1959. № 2. С. 148–155.
- Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричины // ВИ. 1967. № 5. С. 32–50.
- Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016.
- Лихачев Н. П. Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. СПб., 1896.
- Лукичев М. П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2004.
- Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–191.
- Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582 гг.). СПб., 1904.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
- Печуро С. С. Земские служилые люди в годы опричины. (К постановке вопроса) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 463–480.

⁵⁷ С. И. и Ф. И. Волковы, В. П. Измайлов, А. Ф. Клобуков, И. Ф. и М. Ф., М. В. Колычевы, М. Т. Колычев-Лошаков, И. Ф. Кулатшев, С. Мокеев, Ф. Ф. Нагой, Г. С. и Ю. Д. Овцыны, Ф. М. Панин, князь М. В. Тюфякин, Деменша Черемиснов, А. В. Шереметев.

⁵⁸ В. М. и С. О. Безобразовы, Б. В., В. В. и И. Ш. Блажие, А. К. и Ф. К. Болотниковы, С. Т. Бунаков, Б. В., И. З. и И. Б. Воейковы, князь И. М. Глинский, князь И. С. Городецкий, В. К., Н. К., С. К. и Ф. К. Канчевы, Ю. П. Леонтьев, Я. Д. Мансуров, М. У. Микулин, А. Р., В. Р. и Ф. В. Милославские, И. Ф. Небезин, М. С. Овцын, И. И. и Т. С. Осорбины, И. П. Татищев, князь А. В. Трубецкой, князь А. В., Н. В. и И. В. Тулуповы.

- Садиков П. А. Из истории опричнины // ИА. М.; Л., 1940. Т. III. С. 113–303.
- Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1966.
- Скрынников Р. Г. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575–1576 гг. // ИЭ. М., 1971. Т. 87. С. 174–218.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 136–140.
- Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
- Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2009.
- Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVII вв. М., 1996.
- Яковлева О. А. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573 г.) // Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. Вып. 13. С. 234–237.